

ЗОЛОТАЯ РОССЫПЬ

(КО ВТОРОЙ ГОДОВЩИНЕ СМЕРТИ ПИСАТЕЛЯ)

Константин Георгиевич Паустовский почти всю свою жизнь работал над «Повестью о жизни». Эту повесть, носящую автобиографический характер, он считал основным своим произведением. Закончить ее помешала ему смерть.

Эта повесть состоит из отдельных эпох его жизни. В нее вошли: «Далекие годы», «Беспокойная юность», «Начало неведомого века», «Время больших ожиданий», «Бросок на юг» и «Книга скитаний».

Печаталась она по мере окончания отделов, а в 1966 году вышла полностью в издании «Советская Россия».

После смерти писателя 14 июля 1968 года в Советском Союзе начали собирать его литературный архив, в частности, все заметки, отрывки, фрагменты, касающиеся «Повести о жизни». Со временем все это будет опубликовано полностью, что даст возможность ознакомиться с той работой, которую проделал писатель, работая над повестью. Пока до Запада дошло только несколько заметок, набросков и фрагментов, с которыми я хочу познакомить читателя.

Заметки эти не связаны между собой общим содержанием. Это наскоро набросанные мысли и впечатления, не обработанные, сделанные для себя, чтобы позже чего-либо не забыть, не пропустить ни одной мелочи. Они не связаны между собой и годами, но в каждом остался кусочек души писателя и в этом их ценность для будущего биографа. Некоторые записи сделаны уже перед самой смертью писателя, но относятся к описанию далекого прошлого, другие — тотчас по окончании последней войны, и в них уже звучит мотив жизни и смерти. Войны, особенно если в них участвует гражданское население, как это было во время последней войны, заставляют многих задуматься над смыслом жизни и смерти. Не могла война обойти и такого большого писателя, как Паустовский, и особенно остро не дать почувствовать грань, когда жизнь вплотную подошла к смерти. А Константин Георгиевич принимал участие, как военнообязанный, в двух последних войнах и, если первая по его молодости прошла для него не столь болезненно, как вторая, то последняя заставила его сделать переоценку и своих мыслей, и своих поступков. Вернувшись, по окончании ее домой, он много передумал, о многом содеянном пожалел и многое в своей жизни осудил.

«На дне каждых суток остается небольшой осадок золота», записывает он, «Я старался на протяжении этой книги собрать его. Но золота оказалось немного и жизнь представляется теперь, когда удалось кое-как вспомнить ее, цепью грубых и утомительных ошибок. В них виноват один только я. Я не умел жить, любить, даже работать. Я растратил свой талант на бесплодных выдумках, пытался втиснуть их в жизнь, но из этого ничего не получилось кроме мучений и обмана. Этим я оттолкнул от себя прекрасных людей, которые смогли бы дать мне много счастья.» Эта запись относится к 1945 году, году окончания второй мировой войны. Много, очень многое, пришлось ему испытать самому, видеть и слышать, со многими людьми разных категорий встречаться. Каждый день близость смерти, могущая оборвать и его жизнь, делали его наблюдения и ощущения особенно острыми.

Но много думать во время боев и военных переходов не приходилось, зато, вернувшись в мирную обстановку, все пережитое на фронте ярко всплыло в его памяти и, «чтобы не забыть ни одной мелочи», он наскоро записывает прошедшие через мозг мысли. Это похоже на то, когда человек, попадая в смертельную опасность, собирает свою волю и мысли в сжатый кулак, чтобы не совершить какой-либо оплошности, и только по миновании ее приходит в себя. Последняя война не имела линий фронта, она была повсюду и гражданское население страдало от нее не меньше, чем военные. Пожалуй, даже

в большей степени, так как оно было безоружным и беззащитным против бомбардировок городов неприятелем. Война многих заставила задуматься и переоценить житейские ценности.

«Сознание вины перед другими легло на меня всей своей страшной тяжестью», записывает Паустовский дальше, «на примере моей жизни можно проверить тот простой закон, что выходить из границ реального опасно и нелепо». А война — это реальность, заставляющая считаться с ней даже людей с романтическим восприятием жизни.

«Что говорить о сожалении? Оно разрывает сердце, но оно бесплодно и ничего уже нельзя исправить — жизнь идет к своему концу.» И это записал человек далеко не старый, которому предстояло прожить еще многие годы. «Поэтому я кончаю эту книгу небольшой просьбой к тем, кого я любил и кому я причинил столько зла, — если время действительно очищает наше нечистое прошлое, снимает грязь и страдание, то пусть оно вызовет в их памяти и меня, пусть выберет то нужное, хорошее, что было во мне. Пусть положат эти крупички на одну чашу весов. На другой будет лежать горький груз заблуждений. И, может быть, случится маленькое чудо, крупички добра и правды перетянут и можно будет сказать: простим ему, потому что не он один не смог справиться с жизнью, не он один не ведал, что творит. Мне хочется хотя бы маленькой, но светлой памяти о себе. Такой же слабой, как мимолетная улыбка. Улыбнитесь же мне напоследок. Я приму эту улыбку, как величайший и незаслуженный дар и унесу ее с собой в тот непонятный мир, где нет «ни болезней, ни печали, ни вздыхания, но жизнь бесконечная.»

Правильно ли помечена эта запись 1945-ым годом? После записи он прожил еще двадцать три года. Или тогда уже его схватила болезнь, мучившая его долгие годы и унесшая в могилу?

Только позже, когда соберут весь его архив, компактуют его и выпустят отдельным изданием, будут приведены в порядок и правильные даты разбросанных по разным местам его скитаний листков. Но дело сейчас не в датах, а в тех мыслях, которые писатель оставил нам для того, чтобы и мы задумались над ними.

Когда он пишет о сожалении, не относится ли это к тем произведениям или местам в них, где в угоду партийной линии ему пришлось кривить душой? Настоящий писатель всегда чувствует, где правда и где ложь и, даже невольно высказанные ложные мысли, его угнетают, он ищет искупления.

Позже он первый встал на защиту Дудинцева, а еще позже подписал протест против угнетения писательских мыслей, в защиту осужденных писателей.

Русский читатель умеет различать искренние мысли от вынужденных, умеет отбрасывать мусор и находить крупички настоящего золота, которых в произведениях Паустовского разбросаны целые россыпи, и проходить мимо того, что создано по указке. Недаром, когда был напечатан первый рассказ Паустовского, он понял, что для писателя главное с наибольшей полнотой и щедростью выразить себя в любой вещи, если же этого нет, произведения писателя не доходят до читателя, значит они мертвы.

Пока же мы пользуемся тем, что случайно попало в наши руки и что в дальнейшем будет иметь значение для определения места писателя в литературе и в оценке его, как человека. Его самоосуждение с просьбой об улыбке и не осуждении его поступков другими найдут отклик в читателях, и он получит то, что заслужил. Он получит больше, чем маленькую, светлую память о нем, о чем он просит по своей скромности. Любовь вызывает любовь, а свой народ он любил большой любовью, и народ отвечал ему такой же горячей привязанностью. Недаром он завещал похоронить себя не в Москве, а в маленькой Тарусе, на берегу Оки, где он прожил последние годы, которую полюбил и куда на его похороны собрался народ даже из окрестных деревень. И народ первый окрестил его совестью народной.

Уже тогда исполнилось одно из желаний писателя о маленькой, светлой о нем памяти тех, с кем он жил, с кем делил

хлеб и угол в старенькой избе. Останется он в памяти и тех, кто плакал на его отпевании в Доме Литераторов в Москве и кто бросал цветы на гроб и под колеса катафалка, увозившего его тело. Его произведения переведены на многие языки народов, населяющих Россию, таким образом к нему приложимы слова Пушкина: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой и назовет меня всяк сущий в ней язык». Но он известен не только там, но и здесь и его золотая россыпь блестит и здесь неподдельным золотом.

За любовь Паустовского к русскому народу и русской природе, которую он умел так красочно описывать в своих произведениях, он был прозван чародеем природы. Каждое, красочно сказанное деревенским жителем, слово он хранил в своей памяти или тут же записывал, чтобы не забыть. Особенно он любил прислушиваться к говору детворы. Если Паустовский умаляет прожитую им жизнь, находя ее «цепью грубых и утомительных ошибок», то русский народ, отсеяв последние, соберет крупички золота, которые перевесят «горький груз заблуждений.»

«Я понял, что лучше всего в природе — это сдержанность, мягкость, тихий голос, тихие краски, а не крикливый блеск небес лакированных и жарких... И с тех пор я старался все время жить в ладу с этой мирной природой и не оскорблять ее своими восторгами... Природа любит, требует равновесия и тишины, она по существу так же ласкова, как любой хороший человек... Я мог бы заплакать, когда думаю об этом, заплакать от силы и беспомощности своего человеческого сердца. Но сердце нас не выдаст, мы уверены в этом, и жизнь будет продолжаться с такой же ясностью и с таким же блеском, с каким мы ее начали много веков назад. Эти мысли не совсем ясные, но они крепко держат мое сердце и я благодарен жизни за то, что она положила их мне на ладонь... Зачем они нужны? — Затем, чтобы человек не растерял, а унес с собой следы своей земной радости и тревог», — записывает он 10 июня 1968 г. за месяц до смерти.

Несмотря на приближение конца, на трудную земную жизнь, он благодарит ее за все, что в ней выпало на его долю. Он «унес с собой следы своей земной радости и тревог», а нам оставил свои мысли и свою душу в своих книгах, записях, фрагментах и заметках. Для выражения своих мыслей он всегда искал наиболее подходящих слов и выражений, чтобы наиболее точно их выразить, чтобы у читателя возникло именно то впечатление, какое желал вложить в мысль Константин Георгиевич.

Когда он записывает: «Летучая гряда облаков стояла над Крымом, как пряжа», читатель должен увидеть облака такими, какими видел их Паустовский. Когда он пишет о дожде он выбирает к нему такое выражение, чтобы читатель ясно представил себе, что он попал под морозящий, слепой, обложной, грибной, полосовой или окатный дождь. Пока он не находил

(Окончание см. на 5-й стр.)

ЗОЛОТАЯ РОССЫПЬ

(Начало см. на 3-й стр.)

нужного, очень точного выражения своих мыслей и ощущений, он не брался за перо.

Дошедшие до нас записи и отрывки к «Повести о жизни» не отшлифованы, это только наскоро сделанные заметки для себя, над которыми он предполагал еще работать, отшлифовать так, чтобы до читателя дошло сердце и ум Паустовского без искажений. Образность и сочность языка его исходила из его внутренней сущности. Его любовь к природе, отрешенность от реальной действительности, его личное мироощущение перекликается с таким же у Бориса Пастернака и можно удивляться, что они не стали близкими друзьями. Возможно этому помешало то, что Паустовский почти всю свою жизнь находился «на колесах», в то время, как Пастернак стоял у своей конторки в Переделкино. Жизнь — самое причудливое явление и все в ней непредугадано.

Произведения Паустовского еще полностью не изучены. Все это еще впереди. Мы сейчас только собираем «крупички золота», разбросанные в его произведениях и терпеливо ожидаем опубликования полностью всех, собранных с мест его краткого или длительного пребывания, заметок, набросков, записей, относящихся к его работе и жизни. А таких наскоро набросанных листков осталось немало и во многих, вероятно, сделанных для себя, осталась его настоящая, никем не контролируемая душа.

Недаром он пишет в одном из рассказов «Избранной прозы», опубликованной издательством «Художественной литературы» в 1965 году: «В автобиографической повести я пишу о своей жизни, какой она была в действительности. Но есть, должно быть, у каждого, в том числе и у меня, вторая жизнь, вторая биография. Она, как говорится «не вышла» в реальной жизни, не случилась. Она существует только в моих желаниях и в моем воображении. И вот про эту-то вторую жизнь я и хочу написать. Написать свою жизнь такой, какой она бы непременно была, если бы я создавал ее по своей воле, вне зависимости от всяких случайностей... Вы вправе спросить меня, зачем это нужно? — Нужно для того, чтобы моя жизнь была гармонически закончена.»

Вот эта гармонически законченная автобиография возможно осталась только в заметках и фрагментах, поэтому так важно собрать их и опубликовать.

Наталья Логунова.